

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.148.21>

СТУПЕНЧАТЫЙ ТИП ТРАНСПОЗИЦИИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОФОРМ В НАРЕЧИЯ СРАВНЕНИЯ И ОБРАЗА / СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ

Научная статья

Шигуров В.В.^{1*}, Шигурова Т.А.²

¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;

² ORCID : 0000-0001-5342-8471;

^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shigurov[at]mail.ru)

Аннотация

В статье представлен опыт описания механизма ступенчатой транспозиции форм творительного падежа существительных в наречия сравнения, образа и способа действия. Прослежена эволюция семантического развития субстантивных словоформ при функциональной и функционально-семантической адвербиализации. Выявлены этапы собственно грамматической транспозиции существительных в функции обстоятельства сравнения. Обосновывается тезис о том, что пределом функциональной адвербиализации творительного падежа служит стадия гибридных структур, совмещающих при метафорическом использовании признаки взаимодействующих существительных и наречий. Новизна работы состоит в комплексном системном анализе причин, семантических предпосылок, условий и результата ступенчатой транспозиции форм творительного падежа от ядерных существительных к наречиям сравнения, а затем, при дальнейшей адвербиализации – к наречиям образа и / или способа действия. Особый акцент сделан на промежуточных образованиях, функционирующих в качестве метафор при экспликации сравнения с разными объектами. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в ней получает дальнейшее развитие теория транспозиции и синкретизма в грамматическом строе русского языка. Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания курсов морфологии и синтаксиса в высшей школе, а также при создании Транспозиционной грамматики русского языка.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, адвербиализация существительных, наречие, сравнение и образ / способ действия.

STEP TYPE OF TRANSPOSITION OF SUBSTANTIVE WORD FORMS INTO ADVERBS OF COMPARISON AND IMAGE/MODE OF ACTION

Research article

Shigurov V.V.^{1*}, Shigurova T.A.²

¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;

² ORCID : 0000-0001-5342-8471;

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (shigurov[at]mail.ru)

Abstract

The article presents the experience of describing the mechanism of the gradual transposition of the forms of the ablative case of nouns into adverbs of comparison, image and mode of action. The evolution of semantic development of substantive word forms in functional and functional-semantic adverbialization is traced. The stages of proper grammatical transposition of nouns in the function of the circumstance of comparison are identified. The thesis is substantiated that the limit of functional adverbialization of the case is the stage of hybrid structures combining the features of interacting nouns and adverbs in metaphorical use. The novelty of the work consists in a comprehensive systematic analysis of the causes, semantic prerequisites, conditions and result of the gradual transposition of the forms of the ablative case from nuclear nouns to adverbs of comparison, and then, with further adverbialization, to adverbs of image and/or mode of action. A special emphasis is placed on intermediate formations functioning as metaphors when expressing comparison with different objects. The theoretical significance of the study is that it further develops the theory of transposition and syncretism in the grammatical structure of the Russian language. The results of the work can be used in the practice of teaching courses of morphology and syntax in higher school, as well as in the creation of Transpositional Grammar of the Russian language.

Keywords: Russian, grammar, adverbialization of nouns, adverbs, comparison and image/mode of action.

Введение

Наречия – это открытый и постоянно развивающийся класс слов в русском языке. Он пополняется в значительной мере за счет адвербиализации субстантивных словоформ на -ом (см.: [17, С. 14]). Чаще всего данный тип транспозиции имеет не скачкообразный, а ступенчатый (поэтапный) характер. Формы творительного падежа способны демонстрировать в речи разную степень отхода от класса существительных и сближения с классом наречия, что затрудняет нередко их однозначную частеречную квалификацию (по принципу формальной логики – «или...или»), давая основание говорить о разной степени адвербиализации, о наличии в той или иной словоформе признаков и

существительного, и наречия (см., напр.: [23, С. 8-16]). Сказанное имеет непосредственное отношение к довольно многочисленной группе образований, эксплицирующих транспозицию в адвербиальный подкласс со значением сравнения типа *стрелой* (*мчатся*), *пулей* (*пронестись*). Эта группа образований в недостаточной степени изучена в русской грамматике. Процесс адвербиальной транспозиции рассматриваемых словоформ, по оценке ряда исследователей, сопряжен с частичной десубстантивацией существительных, что обусловлено их употреблением в качестве метафоры (см., напр.: [11, С. 212]). По мнению В. В. Виноградова, ряд функций творительного падежа, таких как образ действия (*грудь колесом*, *волосы ежиком*, *волосы дыбом*) и сравнения (*нестись стрелой*), обособился и тяготеет к наречиям, подвергаясь адвербиализации (см.: [2, С. 146]). Все словоформы со значением сравнения типа (*мчатся*) *стрелой*, согласно В. В. Виноградову сближаются в той или иной мере с наречиями, будучи гибридными, промежуточными, наречно-субстантивными образованиями (см.: [2, С. 147, 315]).

В своих рассуждениях автор опирался на выводы А. А. Потевни, который детально исследовал функциональный потенциал творительного падежа существительных и пришел к выводу, что в русском языке творительный сравнения и образа действия находится на полпути к классу наречий (ср.: *нестись стрелой*). А. А. Потевня семантически разграничивал понятия сравнения (уподобления) и превращения, считая, что разница между ними неграмматична; ср. его пример: «в сильный мороз слюна льдом падает на землю» (≈ ‘не подобно льду, а в виде льда, превратившись в лед’) [15, С. 486]. А. В. Исаченко утверждал, что наличие в русском языке у творительного падежа значений сравнения (*упасть камнем*) и образа действия (*стоять лицом к чему-нибудь*) создает благоприятные условия для его перехода в наречие (см.: [6, С. 266]).

В большинстве грамматических описаний русского языка признается, что творительный сравнения подвергается неполному переходу в наречия. Причину этого усматривают в том, что в гибридах этого типа еще сохраняется субстанциальная семантика, мешающая полной утрате признаков существительного. Именно отсылка к некоему объекту (предмету), лежащая в основе сравнения (ср.: *мчатся пулей* ≈ *как пуля, подобно пуле, наподобие пули*), сдерживает окончательную адвербиализацию словоформ, заставляя квалифицировать их как промежуточные, наречно-субстантивные структуры. В случае же утраты словоформой семантики сравнения она перерождается в другой разряд – образа или способа действия, реже – места, становясь наречием; ср.: *смотреть волком* ≈ *как волк, подобно волку, т.е. угрюмо* (гибрид, полусуществительное-полунаречие) и *покатиться кубарем* ≈ *перевертываясь через себя; находиться рядом* ≈ *близко* (отсубстантивные наречия).

С точки зрения А. М. Пешковского, при разграничении грамматических омонимов важно учитывать еще особенности индивидуального восприятия спорного фрагмента. Одно и то же явление может быть иногда осмыслено двояко – в зависимости от того, видит ли человек в словоформе сравнение предметов или нет. Если, например, в выражении *летит стрелой* кто-то представляет себе стрелу, с которой сравнивается предмет, то для него словоформа *стрелой* – это существительное. Для того же, кто, встретившись с таким выражением, не чувствует никакого сравнения, а связывает его лишь с очень быстрым движением предмета, «*стрелой*» будет наречием со значением ‘очень быстро’. То же самое можно сказать, по А. М. Пешковскому, и о других формах с семантикой уподобления вроде *ворваться вихрем*, *смотреть волком*, *стоять столбом* (см. [14, С. 155-156]). Схожие мысли высказывает в кандидатской диссертации О. С. Орлова, по мнению которой многие не помнят, что слово *гоголь* – это название птицы из породы уток-нырков, поэтому не чувствуют никакого сравнения в выражении *ходить гоголем*, воспринимая *гоголем* просто как наречие образа или способа действия в значении ‘важно, величаво, горделиво’ (см., напр.: [11, С. 216]).

А. А. Шахматов не включал, как известно, словоформы со значением сравнения типа (*мчатся*) *стрелой* в список адвербиальных лексем, возникших на базе творительного падежа без предлога; ср. некоторые из выделенных им наречий: *верхом*, *даром*, *дуром*, *силком* [20, С. 503]. В то же время при характеристике типов обстоятельств он упоминает ряд гибридных форм. Они, с его точки зрения, являются наречиями, но представляют творительный падеж существительных и имеют другие падежные формы. Среди них выделяется удвоенная форма *петушком*, *петушком*; см. пример автора: *Ничего-ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками*. Ревизор, I, 4. Таким формам противостоят, по мнению А. А. Шахматова, существительные, всегда выступающие в качестве наречий – *опрометью*, *украдкой* и нек. др. Сюда отнесено им и бесспорное наречие *дыбом*, возникшее в результате адвербиализации существительного в творительном падеже со значением сравнения *дубом*, подвергшееся в результате перехода в наречие фонетической трансформации (*у* → *ы*) и изменившее при этом значение сравнения на значение образа действия. Напр.: *И волоса становились дыбом*. Кап. д. XI. (см.: [21, С. 400-401]).

В академической «Грамматике русского языка» [4, С. 628] формы со значением сравнения на *-ом* трактуются дифференцированно. Те отсубстантивные образования, которые употребляются в составе устойчивых оборотов типа *грудь колесом*, *губки бантиком*, даются как качественно-обстоятельственные наречия; они относятся к существительным с конкретно-вещественным значением. Как примыкающие к наречиям сравнения и уподобления рассмотрены в указанной грамматике и образования *вихрем*, *столбом*, *дугой*, трактуемые как наречия [4, С. 609]. Другие формы со значением сравнения (уподобления) типа *смотреть волком*, *сыпаться градом*, *лететь стрелой* даются авторами указанной грамматики как переходные, промежуточные: они балансируют между творительным падежом существительного и наречием. В качестве реализующих тенденцию к переходу в наречия приводятся и такие образования, как *стеной*, *градом*, *камнем*, *пчелой*, *столбом*. Например: *Уж мы пойдем ломить стеною*, *Уж постоим мы головою За родину свою!* Лерм., Бородино; *Из перерубленной старой березы Градом лилися прощальные слезы*. Некр., Саша, 2; *Бросив машину в пике, он камнем ринулся на только что оторвавшийся от земли тяжелый и медлительны «ломовик»*. Б. Полев., Пов. о наст.чел., ч. 1, 2; *Веретено пчелой жуужжало в ее проворной руке, куделя как бы сама тянулась длинной и ровной ниткой*. Смирн., Сыновья, ч. 1, XVII; *Снежная пыль столбом стоит в воздухе*. Горбат. Большая вода [4, С. 609, 629].

В академической «Русской грамматике» [16, С. 703] приводятся единичные отсубстантивные образования со значением сравнения (*калачиком*, *бобриком*), которые трактуются здесь как наречия. Напр.: *Он свернулся калачиком*,

т.е. наподобие калачика, подобрал к согнутому телу руки и ноги; Ему нравилась стрижка **бобриком**, т.е. наподобие бобрика, со стоящими сверху волосами. Словоформы, которые имели бы, по мнению авторов данной грамматики, статус переходных образований в значении сравнения (уподобления), не упоминаются.

По мнению М. В. Панова, одиночные формы беспредложного творительного падежа с семантикой сравнения являются существительными, употребляющимися при именах (*грудь колесом, голова котлом*) и – особенно часто – при глаголах (*рычит рысью, надулся индюком, сцепился коршуном, крадется лисой, кричит петухом, падает камнем, носится курицей, отвис мешком, впитывает губкой*) (см.: [13, С. 85]).

Приведенный обзор некоторых работ свидетельствует о том, что мнения лингвистов о степени адвербиализации одиночно употребляемых форм творительного падежа со значением сравнения (уподобления) типа *стрелой, градом* расходятся: одни исследователи считают их гибридами (В. В. Виноградов), другие – существительными (М. В. Панов), третьи – наречиями (Русская грамматика 1980), четвертые – промежуточными формами или наречиями (Грамматика русского языка 1960). Сказанным определяется актуальность предпринятого нами исследования.

Новизна нашего подхода к спорным фактам состоит в признании того, что процесс транспозиции субстантивных словоформ в наречия имеет ступенчатый характер: в разных типах контекстах одна и та же лексическая единица способна эксплицировать неодинаковые стадии и предел адвербиализации. Методологической базой исследования послужили работы отечественных и западных ученых по проблеме транспозиции (в иной терминологии – трансляции, конверсии, деривации, трансформации, переходности) и синкретизма (см., например, работы: [1], [8], [19, С. 25-38], [26]), а также наблюдения авторов данной статьи в области транспозиционных процессов на уровне частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных единиц (см., напр.: [21, С. 161-165], [22, С. 5972-5976], [27, С. 177-191]). Из последних работ в данной области отметим также исследование А. А. Зализняк, в которой содержатся глубокие и интересные наблюдения о трехступенчатой семантической эволюции языковых единиц (типа РАЗВЕ), подвергающихся транспозиции из предлогов со значением исключения в вопросительные частицы (см.: [5, С. 5-11], а также работу И. Мельчука, в которой говорится о разной степени ослабления и утраты исходных частеречных (глагольных) признаков языковых единиц при транспозиционных преобразованиях в императивные междометия, аспектуальные частицы в значении неожиданного действия, что сопряжено как с сохранением, так и с утратой лексемного тождества (см.: [9, С. 13-14]). Заслуживают внимания и выводы исследователей, фиксирующих функциональный синкретизм языковых единиц, подверженных разным типам транспозиционных преобразований в речи. Так, по наблюдениям ученых, исследовавших в сравнительном плане полисемичные пространственные наречия в русском и английском языках, многие из них совмещают в смысловой структуре на уровне разных семем значения места с качественными и количественными значениями (см., напр.: [12]). Субстантивные словоформы способны по мере приближения к наречиям сближаться с разными семантическими разрядами адвербиальной лексики. Сказанное справедливо, например, по отношению к существительному в творительном падеже *кругом*, подвергающемуся ступенчатой транспозиции в наречия образа действия (*вертится кругом*), степени (*кругом виноват*), места (*кругом ни души*). Синкретичные структуры, как известно, позволяют лаконично, но емко передавать сложную информацию (см., напр.: [3, С. 82], [9, С. 380-390]).

В решении научных задач в работе применялся структурно-семантический метод, оппозиционный анализ (со шкалой переходности), элементы компонентного и дистрибутивного анализа.

Основные результаты и обсуждение

Целью настоящего исследования является комплексное системное описание причины, семантических предпосылок, признаков, ступеней (стадий) и предела транспозиции языковых единиц из класса существительных в адвербиальные разряды со значениями сравнения, образа и способа действия. В качестве материала исследования использовались собственные примеры авторов статьи, а также типовые контексты с разной степенью адвербиализованными формами творительного падежа существительных, извлеченные из Национального корпуса русского языка [10]; они отмечены аббревиатурой [НКРЯ]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. Объект исследования – предложения с субстантивными словоформами на *-ом* и возникшие на их базе гибриды и наречия, предмет рассмотрения – ступени и предел функциональной и функционально-семантической адвербиализации творительного падежа в разных условиях речи.

В результате исследования установлено, что в разных условиях речи степень продвижения словоформ типа *пулей, волком* к наречиям неодинакова, что дает основание выделять несколько стадий (этапов) адвербиализации. Причиной транспозиции является необходимость в качественной (образной) характеристике ситуаций сквозь призму сравнения. В отличие от наречных слов со значением образа или способа действия, адвербиализованные в той или иной степени формы творительного падежа допускают постановку не только вопросов, «высвечивающих» в форме значение образа или способа действия (как?, каким образом? каким способом?), но и таких вопросов, которые позволяют диагностировать семантику сравнения / уподобления (подобно чему? наподобие чего?). Напр.: *Пронестись пулей* ≈ ‘как пуля, подобно пуле, наподобие пули’. Скрытый, метафорический способ экспликации идеи сравнения в гибриде схож с выражением открытого сравнения в сравнительном обороте: (*нестись*) *пулей* ≈ ‘как пуля’.

Необходимо подчеркнуть, что все этапы (стадии) транспозиции творительного падежа в класс наречий сравнения имеют сугубо функциональный (грамматический) характер и включают зоны ядерного существительного [**А / С(ущ)**], периферийного существительного [**Аб / С(ущ) н(ареч)**] и гибридности [**аб / с(ущ) н(ареч)**]. Зона гибридности манифестирует предел собственно грамматического преобразования существительного в наречия. Только на стадиях периферии существительных и гибридных, субстантивно-адвербиальных образований словоформы *пулей, стрелой, вихрем, градом* и т.п. выражают значение сравнения. При утрате семантики сравнения в результате их дальнейшей адвербиализации происходит нарушение тождества исходных лексем и образование лексических и грамматических омонимов. Однако лексико-грамматические омонимы этого типа эксплицируют уже иные адвербиальные значения –

образа или способа действия, а также иногда места. Данное положение вещей характерно для зоны ядерных отсубстантивных наречий, соотносительной со звеном **Б [н(ареч)]** на шкале адвербиализации.

Постепенное продвижение форм творительного падежа со значением сравнения (уподобления) по направлению к наречиям возможно лишь при наличии соответствующих синтаксических условий (наличие / отсутствие распространителей; синтаксические функции, способ присловной связи и проч.), которые изменяются по мере продвижения в речи языковых единиц к зонам периферии существительных и гибридности, а также – при нарушении тождества слова – к зоне ядерных (типичных) наречий.

Покажем три звена на шкале собственно грамматической (функциональной) транспозиции творительного падежа в наречия сравнения (уподобления):

Звено ядерных существительных **[А / С(ущ)]** представлено контекстами употребления форм творительного падежа существительных с яркими дифференциальными признаками исходной части речи. Они употребляются в синтаксической позиции дополнения или именной части предиката со словами разных частей речи, требующими творительного падежа без предлога. К таким сильно управляющим знаменательным словам относятся, как известно, прежде всего глаголы и прилагательные; ср.: *владеть, воспользоваться, восторгаться, гордиться, дорожить, заниматься, интересоваться, любоваться, махать, обладать, пользоваться, распорядиться, увлекаться, управлять, хвалиться, оказаться, называться, именоваться, доволен* и т.п. (см., напр.: [24, С. 176]). Присловная связь управления блокирует действие механизма адвербиализации творительного падежа, обуславливая сохранение субстанциальной семантики и средств ее выражения – категорий рода, числа и падежа. Сдерживающим фактором для продвижения к наречиям служит и синтагматика существительного в виде адекватных и присубстантивных распространителей, оттеняющих признаки существительного. Ядерные существительные имеют словоизменительные парадигмы в рамках категорий падежа и числа и набор флексий в морфемной структуре слова. Они относятся к трем лексико-грамматическим разрядам субстанциальной лексики (собственные / нарицательные и т.п.). Приведем типовые контексты употребления словоформ, представляющих исходный пункт их «движения» по шкале переходности (адвербиализации):

(1) *Восемь вагонов с тепловозом, направленные вглубь, в сторону «разъезда» – оказались пулей в стволе* (А. Лазарчук. Там вдали, за рекой... (1986)) [НКРЯ]; *Я говорил, что если я даже кажусь тебе волком, то все равно я люблю щипать травку!* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)) [НКРЯ]; *На полпути псы узнали его запах и, очень смутившись, разыграли целое представление, притворяясь, будто на самом деле не нападали, а спешили приветствовать и скорее узнать, откуда это так разит волком* (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)) [НКРЯ]; *Но их благородие к этой вот приклеивается, барином интересуется господин Константинов* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)) [НКРЯ]; *Отец был бедняком, земля не кормила его, и он выучился ремеслу каменщика* (Ю. Трифионов. Испанская Одиссея (1960-1965)) [НКРЯ]; *Но этаж уже не гудел, так как не стало ветра, а брэнчала под ударами ливня крыша; ливень оказался крупным градом...* (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду (1963-1964)) [НКРЯ]; *...Она суетливо дергала нитку и так проворно управляла веретеном, что гуденье его, благодаря окрестной тишине, делалось слышимым даже на улице* (Д. Григорович. Переселенцы (1855-1856)) [НКРЯ]; *Он сейчас же отошел в сторону и занялся волчком, старательно пуская его крутиться по столу* (Ю. Слэзкин. Бабье лето (1911)) [НКРЯ].

В ряде случаев функция дополнения совмещается у формы творительного падежа с функцией обстоятельства образа или способа действия. Речь идет при этом об обозначении чаще всего какого-либо орудия (инструмента) действия. Способ связи с главным компонентом словосочетания – слабое управление; реализуемые отношения – объектно-обстоятельственные. Например:

(2) *«Кузьма купил козла!...» – почесывая за ухом веретеном, говорит в раздумье* (И. Вольнов. Повесть о днях моей жизни (1912)) [НКРЯ].

Звено периферийных существительных **[Аб / С(ущ) н(ареч)]** соотносится с такими контекстами, в которых данные словоформы приобретают значение сравнения. На этой стадии адвербиализации формы творительного падежа делают, условно говоря, первый шаг по направлению к наречиям сравнения, употребляясь в функции обстоятельства сравнения. Синтаксическое окружение существительных (зависимые адекватные слова и / или формы косвенных падежей) препятствует их перерождению в гибриды, сдерживая дальнейшую адвербиализацию. Мешает превращению в наречия и наличие в смысловой структуре слова семы сравнения с неким предметом. Способ присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания у периферийного существительного – падежное примыкание. Дифференциальные признаки существительного во вторичной, адвербиальной функции сравнения выступают в несколько ослабленном виде, но отрицать их наличия нельзя. Для периферийных существительных характерны такие свойства, как семантика предмета, категории рода числа и падежа, фиксированные типы употребления форм творительного падежа и единственного числа, наличие флексии, принадлежность к разрядам собственных / нарицательных, одушевленных / неодушевленных, конкретных / абстрактных слов и др. Например:

(3) *Это ещё как-то действовало, и Чика весёлой пулей, как Колобок, вылетал из своего укрытия, добежал до зоны своего легального существования и снова нагло растягивался на паласе, вытянув задние лапы и подняв хвост* (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес // «Наука и жизнь», 2008) [НКРЯ]; *Наш автомобиль, рассекая струящийся от раскаленного асфальта воздух, черной пулей стремительно мчится к Югу* (О. Гладов. Любовь стратегического назначения (2000-2003)) [НКРЯ]; *Вася вернулся с войны, да таким барином!..* (В. Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ]; *Под конец игры из глаз скрипача вышли слезы, – он истомился жить, и, главное, он прожил себя не по музыке, он не нашел своей ранней гибели под стеной несокрушимого врага, а стоит теперь живым и старым бедняком на безлюдном дворе жакта, с изможденным умом...* (А. Платонов. Счастливая Москва (1936)) [НКРЯ]; *Из глаз снова вдруг покатались слезы – быстрым градом* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012) [НКРЯ]; *Перед ней на пластиковом стуле нежно розовел паштет, лоснилась жирным бисером баночка икры, а*

рядом, на диване, белела файл-папка с какими-то бумагами (О. А. Славникова, 2017) [НКРЯ]; Стой здесь и никуда не сваливай, строго напутствовал его Цунь и **шустрым вьюном ввинтился** в толпу (Н. Рубан. Тельняшка для киборга (2003) // «Боевое искусство планеты», 18.10.2003) [НКРЯ]; Луна закатилась, костер погас, и вокруг нас **черной плотной стеной стоял мрак** (В. Губарев. Трое на острове (1950-1960)) [НКРЯ].

Звено гибридных, субстантивно-адвербиальных образований [аб / с(ущ) н(ареч)] занимает промежуточное положение между исходным и конечным пунктами адвербиализации на шкале переходности. Оно характеризуется примерным равновесием признаков взаимодействующих в структуре гибрида существительных и наречий. Это самая спорная группа образований, вызывающая весьма разноречивые, подчас прямо противоположные грамматические оценки среди исследователей (существительные или наречия). Речь идет об одиночно употребляемых гибридах в значении сравнения. Сущность сравнения, как уже сказано, состоит в указании на некий предмет, с которым что-то сравнивают. Это представление о каком-то, чаще всего конкретном предмете, субстанции, возникающее при метафорическом использовании словоформы, и мешает ее собственно адвербиальному осмыслению, заставляя воспринимать словоформу как гибридное образование, балансирующее между существительным и наречием. Такие гибриды, как и периферийные существительные, характеризуются неизменяемостью: они обладают фиксированным типом употребления форм творительного падежа и единственного числа. Их конечная морфема имеет гибридный, промежуточный характер: флексия-суффикс. Функция дополнения и зависимые слова, способные оттенять субстантивные свойства, при гибридах исключены. Искусственная же подстановка адъективных и субстантивных распространителей неизбежно приведет к подмене гибрида периферийным существительным: ср.: *слезы покатались градом и быстрым градом*.

К семантическим предпосылкам адвербиализации существительных относятся обозначения разных объектов, с которыми сравниваются предметы в гибридах при их метафорическом употреблении. Сюда входит:

А. Сравнение с человеком как носителем типичных свойств – *бедняком, барином, Адамом* и нек. др.:

(4) **Я сам живу бедняком** и питаюсь пригоршней пшена, если его подаст щедрая рука (В. Ян. Чингиз-хан (1939)) [НКРЯ]; ...**Вот барином проплыл** тонкогубый судак, вот блеснул латунным боком полосатый окунь (В. Бочков. Монтекресто // «Волга», 2012) [НКРЯ]; **Мылся тщательно – и вышел из ванной Адамом**, даже полотенца вместо фигового листка не использовал (А. Слаповский. Висельник (1994)) [НКРЯ].

Б. Сравнение с животным – *волком, собакой, псом, медведицей, зверем, барашком, ежиком* и нек. др.:

(5) **Никита сидел красный и волком глядел** вокруг (В. Вересаев. В степи (1901)) [НКРЯ]; **Подоспевший Тутка псом бросился** на обидчика, пустившегося к лесу по снежной целине (Л. Леонов. Русский лес (1950-1953)) [НКРЯ]; «**Доставай лопаты!**» – рыкнул Погосян, и **Зубов собакой бросился** к газу, из которого выудил две лопаты и кирку (Д. Липскеров. Последний сон разума (1999)) [НКРЯ]; **Жил собакой, окопел псом** (В. Даль. Пословицы и поговорки русского народа) [НКРЯ]; **Жизнь тяжелая, малой пиццет, мать зверем смотрит**: ушел от нее любимый человек, видно, не вынес детского крика (И. Грекова. Перелом (1987)) [НКРЯ]; «**С праздничком, ваше благородие!**» – с подлой ужимкой, потирая руки и кланяясь, **барашком проблеял** в лицо Шванвичу «чиновная ярыжка» (В. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934-1945)) [НКРЯ]; **Сам-то он сверху донизу холоп был** (даже подержанным белым галстуком где-то раздобылся и головушку **барашком завил**), да «искусство» в холопских рамках усидеть не могло, беспрестанно на волю выпирало (М. Салтыков-Щедрин. Сказки / Орел-меценат (1869-1886)) [НКРЯ]; **Каля встала и пошла на него медведицей** на задних лапах, защищая собой Кешу, словно медвежонка (Е. Евтушенко. Ягодные места (1982)) [НКРЯ]; **Седые волосы были подстрижены ежиком**, лицо, несколько оплывшее, но с довольно правильными чертами, из-за брыльев казалось почти квадратным, и с ним хорошо сочетались очки в тяжелой прямоугольной оправе (А. Кабаков. Последний герой (1994-1995)) [НКРЯ].

В. Сравнение с птицей – *гоголем, гуськом, петушком* и нек. др.:

(6) **Конечно, в прошлогоднем феврале в еще новеньком обмундировании и в сияющих хромовых сапогах он гоголем ходил** между молоденьких вузювок... (В. Корнилов. Демобилизация (1969-1971)); **Гуськом**, в зеленых халатах, мимо разбитых снарядами деревьев, мимо позиций артиллерии, **разведчики подходили** все ближе и ближе к войне (Э. Казакевич. Звезда (1946)); **Паренек сначала смутился, на щеках его разлились два пунцовых озерца, но потом он нахохлился петушком**, расправил спину и попытался объяснить (У. Нова. Инка (2004)).

В. Сравнение с рыбой, млекопитающим – *вьюном, змеей, гадюкой, ужом, ящерицей, черепахой* и нек. др.:

(7) **Вьюном я на постели вертелся**, крахмальные простыни в хрустящий ком сбивая (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)) [НКРЯ]; **Завязался бой – небо чернеет, зато солдаты могут подняться над облаками, посмотреть, как там у врагов что устроено, пробежать зверем, проползти ужом, ящерицей...** (М. Ботева. Огонь и огонь, и нельзя остыть // «Волга», 2011) [НКРЯ]; **Как-то долго, словно бы нехотя, змеей тянулись кубанцы** в черных бурках, в папахах, закутанных башлыками (А. Уткин. Крепость сомнения (2010)) [НКРЯ]; **За плечом висела никелевая с пробковыми стенками фляга; свисая с руки, гадюкой волочился** позади витой **аранник** (М. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)); [НКРЯ] **Когда торговля замирает, Инка беспокоится, слоняется по лавке, взерошенная как сова, поправляет бусы и амулеты, перевешивает браслеты и ожерелья, словно от того, на какой стене они пылятся, зависит, оживет ли торговля или будет дремать черепахой** в летарическом сне (У. Нова. Инка (2004)). [НКРЯ]

Г. Сравнение с неодушевленным предметом – *пулей, стрелой, коромыслом, веретеном, волчком, граблями, бантом, кольцом, столбом, горошком, бисером, калачиком, горой, стеной, комком* и т.п.:

(8) **В ту же секунду Бьярни вскочил с места и, опрокинув кресло, пулей вылетел** из комнаты... (Ю. Андреева. Многоточие сборки (2009)) [НКРЯ]; **Один за другим лыжники стрелой неслись** к реке... (Ю. Нагибин. В те юные годы (1983)) [НКРЯ]; ...**Солдаты присели, защищаясь щитами от стрел и ядер, что градом сыпались с мощной угловой башни** (В. Быков. Главный кригсман (2002)) [НКРЯ]; **Небольшая рыбка, юрко махнув хвостом, сиганула мимо его лица; от нее бисером бежали** вверх блестящие **пузырьки** (И. Грекова. На испытаниях (1967)) [НКРЯ]; **Но снег**

повалится, повалится, **закружит** все **веретеном**, и моя молодость появится опять цыганкой под окном (В. Аксенов. Тайственная страсть (2007)) [НКРЯ]; Зачастую они заранее знают, в каком месте номера **танцовщица прыгнет**, когда **закрутится волчком** или ползет на шест (Ю. Андреева. Многоточие сборки (2009)) [НКРЯ]; **Братья** всегда были очень дружны и друг за друга **стояли горой** (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)) [НКРЯ]; Тяжело хлопнул парус, рухнули тучи, **море встало стеной** (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)) [НКРЯ]; **Сигаретный дым стоял там коромыслом...** (Б. Клетинич. Моё частное бессмертие (2015) // «Волга», 2016) [НКРЯ]; **...Пальцы стоят граблями, их трудно сгибать и разгибать** (Н. Дубов. Огни на реке (1966)) [НКРЯ]; **Мы вышли через двор, и, идя рядом с бабушкой, я поправляла и поправляла шелковый шарфик, который она, собирая меня в дорогу, повязала бантом – вокруг шеи** (Е. Чижова. Лавра // «Звезда», 2002) [НКРЯ]; **А Филос свернулся кольцом под мачтой и всякий раз подымал голову, как стукнет хозяин каблуком в звонкую палубу** (Б. Житков. Элчан-Кайя (1926)) [НКРЯ]; Там, за дверью, **свет стоял столбом, сильный и плотный, почти как вода** (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ]; ...Один из приезжих рыбаков потрошил стерлядь, другой навешивал круглый, наподобие военной каски, котел на таганок, в котором белела картошка и луковки да сиротливо плавал лавровый лист и черный **перец горошком, непременно горошком...** (В. Астафьев. Царь-рыба (1974)) [НКРЯ]; Рита, внезапно утомившись, **калачиком** легла на ноги Кеши и задремала (Н. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015) [НКРЯ]; Воздух был неподвижный и такой насыщенно густой, что слепил **глаза и комком вставал в трахею** (А. Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015) [НКРЯ].

Д. Сравнение с природным явлением – градом, вихрем, вьюгой, дождем и т.п.

(9) Они изнывали от жары, **пот лил, особенно со старика, градом** (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)) [НКРЯ]; Потом какие-то **огни – красные, желтые, синие, зеленые – вихрем закружились** вокруг нас (В. Губарев. Трое на острове (1950-1960)) [НКРЯ]; **Вьюгой понеслась по странь все сметающая революция** (И. Астрау. Баллада о денщикѣ // «Златоцвѣт», 1963) [НКРЯ]; От рожиц за нами подолгу гнались березовые **листочки, дождем сыпавшиеся откуда-то сверху, а поля встречали желтой жухлой травой, на которую не хотелось наступать** (Д. Лагутин. Спица // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ].

От творительного падежа со значением сравнения следует отличать так называемый творительный превращения [16, С. 486]. ср.:

(10) **Ночь серым волком перекинулась** через голову и стала добрым утром (О. Сульчинская. Я умру с телефонной трубкой в руке // «Октябрь», 2003) [НКРЯ]; На затылок нежным жестом Он кудрей закинул шелк, стал **барашком** златошерстным И заблеял, и пошел, Что луну, мол, над долиной... (С. Вакман. Я стол накрыл на шестерых (главы из романа) // «Уральская новь», 2002) [НКРЯ].

Гибриды со значением сравнения имеют разную степень употребительности. Одни из них чаще используются в качестве метафоры (*стрелой, пулей, градом* и т.п.), другие – реже (*ласточкой, псом, собакой* и т.п.). Однако сам по себе факт большей или меньшей употребительности гибрида не может считаться критерием определенной степени его адвербиализованности.

Конечный этап в движении форм творительного падежа из пункта А (ядро существительных) в пункт Б представлен контекстами употребления ядерных отсубстантивных наречий. Они соотносятся со звеном Б [**н(ареч)**] на шкале переходности, демонстрируя функционально-семантический характер адвербиализации существительных.

Следует иметь в виду здесь несколько способов (путей) и результатов адвербиализации форм творительного падежа.

Во-первых, это функционально-семантическая адвербиализация творительного падежа типа *торчком*, сопровождающаяся утратой исходной субстантивной словоформы:

(11) **Волосы, довольно густые, мать стригла коротко, и они стояли торчком, словно щетина аккуратной металлической щетки** (М. Палей. Хор. Роман-притча // «Волга», 2010) [НКРЯ] (≈ наречие в знач. ‘в вертикальном положении; стоймя, дыбом’).

Во-вторых, это функционально-семантическая адвербиализация, связанная со смысловой изоляцией формы творительного падежа и превращением ее значения сравнения в значение образа или способа действия. При этом наблюдается обособление формы творительного падежа от общей парадигмы исходного существительного. Примечательны в этом плане единичные наречия типа *порожняком, особняком* (см., напр.: [12, С. 229-230]).

В-третьих, это адвербиализация творительного падежа, сопряженная с его фразеологизацией в составе устойчивых оборотов; например: *вопрос ребром, дым коромыслом*.

В-четвертых, это адвербиализация творительного падежа, обусловленная фонетической трансформацией субстантивной словоформы: замена У на Ы: *дубом* --> *дыбом*:

(12) **Шерсть на черном коте встала дыбом, и он раздирающе мяукнул** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)) [НКРЯ] (≈ наречие в знач. ‘в вертикальном положении; стоймя, дыбом’).

В-пятых, это адвербиализация существительного, связанная с изменением места ударения в слове: *кубарём* (≈ существительное *кубарь* в твор. пад. со значением ‘деревянный шар’) --> *кубарем* (≈ отсубстантивное наречие в знач. ‘перевёртываясь, кувыркаясь при движении, падении’):

(13) «Едут!» – **заорал сорвавшимся от счастья голосом Артем, кубарем скатился с крыши и понесся к калитке** (Л. Улицкая. Медя и ее дети (1996)) [НКРЯ].

Особенность последнего этапа транспозиции субстантивных словоформ со значением сравнения в наречия состоит в том, что, превращаясь в наречия, они полностью утрачивают дифференциальные признаки исходной части речи, а именно семантику предмета; категории рода, числа и падежа; падежно-числовые парадигмы; функцию дополнения; сочетаемость с адъективными и субстантивными распространителями; отнесенность к подклассам существительных (собственные / нарицательные и т.п.). Субстантивная флексия –*ом* (*кубарем*) переродилась у них в суффикс наречия, в связи с чем произошло расширение состава основы слова. Ядерные отсубстантивные наречия

выражают категориальное значение признака признака, употребляясь в функции обстоятельства образа или способа действия, а не сравнения, что характерно для периферийных существительных и гибридов (см. примеры выше). Ядерные отсубстантивные наречия типа *кубарем*, *торчком* характеризуются признаком неизменяемости. Способ их связи с главными словами в предложении – примыкание. Они входят в семантический разряд определительных наречий образа и способа действия. Данная стадия адвербиальной транспозиции сопряжена с образованием новых лексем-наречий; некоторые из которых могут функционировать лишь в составе фразеологических оборотов; ср.: *жить особняком* и *быть довольным построенным особняком*. Вместе с тем говорить о появлении лексических и грамматических омонимов при адвербиализации *торчком*, *дыбом* и *кубарем* в силу указанных выше обстоятельств не представляется возможным.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что адвербиализация форм творительного падежа без предлогов в разряд наречий сравнения имеет сугубо функциональный характер. Она представлена двумя типами образований – периферийными существительными и гибридами, употребляющимися в функции метафоры. Дальнейшее продвижение субстантивных словоформ в рамках адвербиализации связано со стадией ядерных отсубстантивных наречий, выступающих в качестве грамматических и лексических омонимов по отношению к исходным существительным.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка». Рук. В.В. Шигуров (один из авторов статьи), исполнитель Т.А. Шигурова (один из авторов статьи).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under the research project No. 24-28-00674 "Study of adverbialization as a type of stepwise transposition of substantive word forms in the system of parts of speech of the Russian language". Supervisor V.V. Shigurov (one of the authors of the article), performer T.A. Shigurova (one of the authors of the article).

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли — Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. — Москва: Высшая школа, 1986. — 640 с.
3. Воротников Ю.Л. Слово и время / Ю.Л. Воротников. — Москва: Наука, 2003. — 168 с.
4. Грамматика русского языка: В 2 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 1. — 719 с.
5. Зализняк А.А. Русское «разве»: от предлога к вопросительной частице / А.А. Зализняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 5–11.
6. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология / А.В. Исаченко — Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1965. — Ч. 1. — 302 с.
7. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова — Москва: Наука, 1981. — 200 с.
8. Кустова Г.И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица / Г.И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». — Москва: Изд-во РГГУ, 2018. — Вып. 17 (24). — С. 380–390.
9. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] / И. Мельчук // Русский язык в научном освещении. — 2023. — № 2. — С. 9–25.
10. Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. — URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 18.06.2024).
11. Орлова О.С. Формирование наречий, соотносительных с творительным падежом имени в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Орлова Ольга Сергеевна. — Рязань, 2024. — 272 с.
12. Панкратова М.Е. Семантика наречного слова в современном английском языке (на материале пространственных наречий): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Панкратова Марина Евгеньевна. — Воронеж, 2015. — 17 с.
13. Панов М.В. О позиционном чередовании грамматических значений / М.В. Панов // Типология и грамматика. — Москва: Наука, 1990. — С. 82–90.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — Москва: Учпедгиз, 1938. — 452 с.
15. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. — Москва: Учпедгиз, 1958. — Т. I–II. — 536 с.

16. Русская грамматика: В 2 т. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
17. Савелова Л.А. Семантика и прагматика русского наречия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Савелова Любовь Анатольевна. — Архангельск, 2009. — 46 с.
18. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва: Прогресс, 1988. — 656 с.
19. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25–38.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. — Ленинград: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
21. Шигуров В.В. О модалации глагольных инфинитивов в русском языке / В.В. Шигуров, Т.А. Шигурова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 8-3. — С. 161–165.
22. Шигуров В.В. Модалация деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки / В.В. Шигуров, Т.А. Шигурова // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2-26. — С. 5972–5976.
23. Шигуров В.В. Гибрид стрелой в метафорическом употреблении: исчисление степеней адвербиализации / В.В. Шигуров, Т.А. Шигурова // Современный ученый. — 2022. — № 4. — С. 8–16.
24. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология / Н.А. Янко-Триницкая. — Москва: Русский язык, 1982. — 246 с.
25. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L.M. Eichinger. — Tübingen, 1982. — 241 s.
26. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. — 155 p.
27. Shigurov V.V. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Man In India. — 2017. — Vol. 97. — № 25. — P. 177–191.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balli Sh. Obschaja lingvistika i voprosy frantsuzskogo jazyka [General linguistics and issues of the French language] / Sh. Balli — Moscow: Publishing house of foreign literature, 1955. — 416 p. [in Russian]
2. Vinogradov V.V. Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: Grammatical doctrine of words] / V.V. Vinogradov. — Moskva: Vysshaja shkola, 1986. — 640 p. [in Russian]
3. Vorotnikov Ju.L. Slovo i vremja [Word and time] / Ju.L. Vorotnikov. — Moskva: Nauka, 2003. — 168 p. [in Russian]
4. Grammatika russkogo jazyka [Grammar of the Russian language]: in 2 vols. — Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. — Vol. 1. — 719 p. [in Russian]
5. Zaliznjak A.A. Russkoe "razve": ot predloga k voprositel'noj chastitse [Russian "isn't" from preposition to interrogative particle] / A.A. Zaliznjak // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. — 2020. — T. 79. — № 4. — P. 5–11. [in Russian]
6. Isachenko A.V. Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologija. Ch. 1 [The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Morphology]. Ch. 1 [The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Morphology] / A.V. Isachenko. — Bratislava: Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1965. — Pt. 1. — 302 p. [in Russian]
7. Kubrjakova E.S. Tipy jazykovykh znachenij. Semantika proizvodnogo slova [Types of linguistic meanings. Semantics of a derived word] / E.S. Kubrjakova — Moscow: Nauka, 1981. — 200 p. [in Russian]
8. Kustova G.I. Mental'nye predikaty v metatekstovykh konstruksijah 2-go litsa [Mental predicates in 2nd person metatextual constructions] / G.I. Kustova // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2018» [Computer linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the international conference "Dialogue-2018"]. — Moscow: Publishing house of the Russian State University, 2018. — Iss. 17 (24). — P. 380–390. [in Russian]
9. Mel'chuk I. Dve russkie leksemy: VOZ'MI [i Y-ni] i VZJaT' [i Y-nut'] [Two Russian lexemes: TAKE [and Y-ni] and TAKE [and Y-nut]] / I. Mel'chuk // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii [Russian Language in Scientific Coverage]. — 2023. — № 2. — P. 9–25. [in Russian]
10. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian Language] [NCRL]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 18.06.2024). [in Russian]
11. Orlova O.S. Formirovanie narechij, sootnositel'nyh s tvoritel'nyh padezhom imeni v russkom jazyke [Formation of adverbs correlative with the instrumental case of a name in Russian] : dis. ... of PhD in Social and Human Sciences / Orlova Ol'ga Sergeevna. — Rjazan', 2024. — 272 p. [in Russian]
12. Pankratova M.E. Semantika narechnogo slova v sovremenom anglijskom jazyke (na materiale prostranstvennyh narechij) [Semantics of an adverbial word in modern English (based on spatial adverbs)]: abstr. dis. ... of PhD in Philological Sciences / Pankratova Marina Evgenievna. — Voronezh, 2015. — 17 p. [in Russian]
13. Panov M.V. O pozitsionnom cheredovanii grammaticheskikh znachenij [On positional alternation of grammatical meanings] / M.V. Panov // Tipologija i grammatika [Typology and grammar]. — Moscow: Nauka, 1990. — P. 82–90. [in Russian]
14. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russian syntax in scientific coverage] / A.M. Peshkovskij. — Moskva: Uchpedgiz, 1938. — 452 p. [in Russian]
15. Potebnja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on Russian grammar] / A.A. Potebnja. — Moscow: Uchpedgiz, 1958. — Vol. I–II. — 536 p. [in Russian]
16. usskaja grammatika: V 2 t. [Russian grammar: In 2 volumes]. — Moscow: Nauka, 1980. — Vol. 1. — 783 p. [in Russian]
17. Savelova L.A. RSemantika i pragmatika russkogo narechija [Semantics and pragmatics of the Russian dialect]: abstr. dis. ... of PhD in Philology / Savelova Lyubov Anatolyevna. — Arkhangelsk, 2009. — 46 p. [in Russian]
18. Ten'er L. Osnovy struktornogo sintaksisa [Basics of structured syntax] / L. Ten'er. — Moskva: Progress, 1988. — 656 p. [in Russian]

19. Uryson E.V. Sintaksicheskaja derivatsija i «naivnaja» kartina mira [Syntactic derivation and the “naive” picture of the world] / E.V. Uryson // Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics]. — 1996. — № 4. — P. 25–38. [in Russian]
20. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo jazyka [Russian language syntax] / A.A. Shahmatov. — Leningrad: Uchpedgiz, 1941. — 620 p. [in Russian]
21. Shigurov V.V. O modaljatsii glagol'nyh infinitivov v russkom jazyke [On the modulation of verbal infinitives in Russian] / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International Journal of Applied and Basic Research]. — 2014. — № 8-3. — P. 161–165. [in Russian]
22. Shigurov V.V. Modaljatsija deeprichastnyh form glagolov v russkom jazyke: forma, prichina, predposylki [Modulation of participial forms of verbs in Russian: form, reason, prerequisites] / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Fundamental'nye issledovanija [Basic Research]. — 2015. — № 2-26. — P. 5972–5976. [in Russian]
23. Shigurov V.V. Gibrid streloj v metaforicheskom upotreblenii: ischislenie stepenej adverbializatsii [Hybrid arrow in metaphorical use: calculating degrees of adverbialization] / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Sovremennyj uchenyj [Modern Scientist]. — 2022. — № 4. — P. 8–16. [in Russian]
24. Janko-Trinitskaja N.A. Russkaja morfologija [Russian morphology] / N.A. Janko-Trinitskaja. — Moskva: Russkij jazyk, 1982. — 246 p. [in Russian]
25. Eichinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch [Syntactic transposition and semantic derivation: the adjectives on -isch in modern German] / L.M. Eichinger. — Tübingen, 1982. — 241 p. [in German]
26. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. — 155 p.
27. Shigurov V.V. Core Modulates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Man In India. — 2017. — Vol. 97. — № 25. — P. 177–191.